

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
СЕНТЯБРЬ 2014 г. • № 9 (215) **ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ**
Издается редакцией и Союзом писателей России

Владимир БОНДАРЕНКО

ГОНИМЫЙ МИРОМ СТРАННИК

Думаю, это самое программное стихотворение раннего Лермонтова. "Русская душа" — душа "гонимого миром странника". Что главное в нём: и в самом Лермонтове, и в его герое, и в стихотворении: то, что он — гонимый миром странник? Или то, что он именно с русской душой? Или у нас традиционно все по-настоящему русские люди, с истинно русской душой — бывают гонимы всем миром, и внешним, и внутренним?

*Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русской душой.*

И как совпадает мотив этого раннего стихотворения Лермонтова с мотивом в его последнем предсмертном стихотворении об осмеянном и гонимом тем же миром Пророке.

*С тех пор как вечный Судия
Мне дал всеведенье Пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злости и порока.*

Чем больше он по жизни своей, и по литературе, — провозглашал любовь, чем больше стремился к чистой правде, тем злобнее почти все ближние его "бросали бешено камня". Бросают и сейчас. Отсюда и неизбежное его одиночество.

Согласно толковым словарям странник — это странствующий человек (обычно бездомный или гонимый) или же — человек, идущий пешком на богомолье, богомolec. Странник в мире — как правило, одинокий и бесприютный человек.

Сохранили ли русскую душу гонимые ныне странники? И много ли у нас их сейчас? Много ли было в двадцатом веке — гонимых миром странников с русской душой? Весь двадцатый век — в этом смысле — лермонтовский век, век русского странничества: миллионы русских странников в первой эмиграции после Октября 1917 года. Миллионы — после Великой Отечественной войны — вторая эмиграция. Затем третья волна, тоже довольно многочисленная. Не забудем про миллионы странников с русской душой уже после перестройки насильственно отторгнутых от своей Родины. Потому вновь становится гениальный поэт Михаил Лермонтов крайне востребованным и сегодня, в пору своего 200-летия.

Конечно, лирика Михаила Лермонтова внешне кажется зависима и от Байрона, и от Гейне, и от Пушкина, но суть стихотворения, даже в раннем периоде, определяет чисто лермонтовский стиль, лермонтовские мотивы, лермонтовская пророческая стихия.

Прежде всего: свобода и одиночество, гонимость и бунтарство, русскость и всечеловечность. Как ни у кого другого, у Лермонтова соединяются вместе соборное русское "Мы", погружение в народность, и яркий индивидуализм, личностное "Я", воспевание независимости. Самый державный, самый национальный поэт, самый народный поэт с его "Бородино", "Песнь про ... купца Калашникова", "Казачьей колыбельной", и самый отверженный, самый "проклятый".

Что такое свобода для Лермонтова? Это постоянная борьба — с самим собой, с миром внешним и внутренним, недаром он пишет: "Так жизнь скучна, когда боренья нет". Да и его знаменитый "Парус" — это вызов всем силам грешного мира. Он поклоняется и Пушкину, и Байрону, но абсолютно независим от своих кумиров. Он любит, но независим и от своих любимых.

Вроде бы у Байрона Лермонтова заимствует мотив одиночества, изгнанничества ("Выхожу один я на дорогу", "Тучи", "На севере диком..."), но умудряется даже романтическое одиночество, даже своё изгнаничество погрузить в русскую национальную стихию. Можно сравнить, к примеру, насколько изменены чувства и эмоции, национализированы сами образы в лермонтовском "На севере диком..." по сравнению с изначальным немецким вариантом Гейне. И ведь не последние русские поэты тоже занимались переводом того же стихотворения. Фет, Тютчев...

А покорила всех именно русская одинокая лермонтовская сосна. Казалось бы, для русификации текста и Тютчев, и Фет меняли немецкую сосну на дуб или кедр, тем самым переводя в мужской род героя произведения, выстраивая любовную линию с южной пальмой, а закрепились в народном сознании лишь лермонтовская сосна, окутанная в православные снежные ризы. Никакого надуманного педальирования русской темы; органично и естественно он соединяет свою любовь к России с любовью к её истории, к её природе, к национальному сознанию.

Это его излюбленная тема — "гонимый миром странника... не только с русской душой". Можно сказать, основная его тема. Двойное закольцовывание: чисто стилистически закольцовывается первая строка с четвёртой, вторая — с третьей. Этакая кольцевая охватывающая рифма. И точно также идёт смысловое закольцовывание гонимого странника с русской душой.

Ох уж эта русская душа! До сих пор наши русофобствующие либералы морщатся от лермонтовской первобытной природной русскости.

*Но я люблю — за что, не знаю сам —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных холмьяне,
Разливы рек её, подобные морям...*

Эта любовь не от разума. От чистого сердца. Все дорого поэту: "и дымок спалённой живы", и избы, покрытые соломой. Важность темы русской души подчёркивает в великопелной работе о Лермонтове мыслитель и мистик Даниил Андреев, очень близкий самому поэту по восприятию мира. Даниил Андреев в книге "Роза мира" разговор о Лермонтове начинает словами: "Миссия Лермонтова — одна из глубочайших загадок нашей культуры". Он пишет далее: "Если бы не разразилась пятигорская катастрофа, со временем русское общество оказалось бы зрителем такого жизненного пути, который привёл бы Лермонтова-старца к вершинам, где этика, религия и искусство сливаются в одно". Лермонтов, по мнению Андреева, открыл нам путь покаяния и очищения от грехов мира сего через приобщение к той красоте, которая, по словам Ф.Достоевского, "спасёт мир".

В 1832 году в возрасте 18 лет Лермонтов пишет:

*Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русской душой.*

Не единожды отмечалось, что в этих стихах наиболее важные смысловые слова рифмуются. "Другой" переключается с "душой", а слово "душа" сопровождается эпитетом "русская". Лермонтов — "иной избранник" только потому, что рождён в России. "Русская душа" — это душа

К 200-летию со дня рождения ЛЕРМОНТОВА

"гонимого миром странника". Рифма "странник

— избранник" подчёркивает важность для поэта именно такого смысла.

"Лермонтовский пессимизм есть пессимизм силы, гордости; пессимизм божественного величия духа", — писал о поэзии Лермонтова С.А. Андреевский. Поэтом, о каком бы изгнанничестве, о каком бы одиночестве он ни писал, это гордое изгнанничество божественного вестника. К тому же, изгнанничество странника с русской душой.

А надо ли нам иметь эту "русскую душу"? Многие нынче сомневаются. Небезызвестный идеолог ельцинского времени Вячеслав Костиков прямо заявил: "Хватит спекуляций о "русской душе"... Хорошо ли иметь особую русскую душу? Или лучше жить, опираясь на общепринятые европейские устои? Иными словами, разумно и рационально... Над поисками "русской души" и "особого пути", наверное, можно было бы посмеяться. Тем более что реалии нового русского капитализма менее всего способствуют развитию утопического мышления. Жёсткие рамки рынка и капиталистического производства требуют от людей не соловьиной души, а хорошей профессиональной подготовки, деловых навыков, умения вертеться и приспосабливаться... Попытки скрестить модернизацию страны с припудренными представлениями XIX века об особенностях русской души приведут лишь к новым казусам и разочарованиям... Поиск особого пути, который по масштабу, красоте и духовности был бы соразмерен русской душе, часто заводил нас в тупики гражданского развития. Берега утопий усеяны русскими костями. Но утопия продолжат будоражить наши души. Спорам о русской душе переполнены не только журналы патриотического направления, но и интернет".

Нелюбовь Костикова к Лермонтову и его "русской душе" сродни ненависти Чубайса к Достоевскому, неприязни либералов к Есенину. Сколько столетий уже все эти Чубайсы и Костиковы стремятся уничтожить особенности русской души, и всё понапрасну. Приходит новый русский гений, и вновь сквозь весь европеизм и американизм прорывается неизбывная русская душа.

Прочитаем целиком это, может быть, далеко не лучшее стихотворение Михаила Лермонтова, но одно из важнейших для его понимания, для его судьбы:

*Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русской душой.*

*Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе мой, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.*

*Кто может, океан угрюмый,
Тебя изведать тайны? Кто
Толпе мой расскажет думы?
Я — или Бог — или никто!*

Вдумайтесь, отчего он, ещё полный сил и энергии, предсказывает себе: "Я раньше начал, кончу ране, Мой ум немного совершит...".? Это уже не романтическая игра со смертью, а какое-то мрачное мистическое предвидение. Он в поисках своей же разгадки кидался во все стороны, на войну, на дерзкие вылазки со своей сотней смельчаков, прорывался вне всяких правил и приличий в высший свет, не так уж ему и нужный. Зачем? Зачем? И потом, он же сравнивает себя и свою жизнь с Байроном, "раньше начал..." — да, так и есть. Но откуда ему было знать, что он и кончит ранее Байрона, тоже погибшего относительно молодым, всего-то на 37 году жизни? И какие надежды уже в молодости разбила его жизнь? Какие-то пророческие слова...

Прав был Лев Толстой, когда писал: "Лермонтов и я — не литераторы". Это писал он о себе, как о пророке, умудрённый жизнью старец, а Михаил Лермонтов — двадцатилетний — какой же он мудрец и пророк? Не от жизни же? От иного мистического Знания. Знал всё о себе изначально, потому и мрачный был. Только не знал мелкой конкретики: когда погибнет, от кого, от чьей пули? В величие небесного замысла такие мелочи не входят. Это уж пусть будет на совести людей помельче. Кавказцев ли, царедворцев, или же таких совсем уж ничемных людейшек, как тот же Мартынов.

Гонимый миром странник не мог опуститься до страстей толпы. Лермонтов и небесам и всему миру задаёт вопрос, от которого отходят все лермонтоведы и историки, кто же он такой? "Я — или Бог — или никто!"

Как это понимать? Прimitивно, мол, что толпе расскажет думы поэта: или сам поэт, или Бог расскажет его думы, или же никто и никогда их не узнает? Среди литературоведов господствует мнение: "Лейтмотив стихотворения — тоска и отрешённость от мира. Внутренний мир героя полон дум и страданий. Рассказать о них миру может или сам герой, или бог. Остальным понять всё это не дано...". А если мы решимся взглянуть на эти строчки по-другому? Если поэт смело говорит всему миру: "Я — или Бог — или никто!". То есть он не ставит себя на место Бога, но указывает на своё небесное божественное происхождение. Несомненно, поэт любит свою Родину, верных друзей, истинную свободу. Он обречён на вечное странствование уже в поисках своего высшего идеала. Вспомним, как сравнивает себя поэт с тучками небесными:

*Тучки небесные, вечные странники!
Степь лазурную, целью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.*

Кстати, обратим внимание и на такую неслучайную фразу для Лермонтова: "с милого севера в сторону юную...". Как бы ни был поэт романтически увлечен Кавказом, но — для него роднее "милый север". Случайных слов у поэта не бывает.

И всё-таки, кто он такой, "гонимый миром странник"? За что гоним? Кем гоним? Куда гоним? Думаю, гоним он был именно потому, что был избранником небес, пророком.

Не случайно же в конце своей жизни наш первый нобелевский лауреат Иван Бунин понял, что ошибался, считая Пушкина первым русским поэтом. Перечитывая Лермонтова, Бунин убедился в первенстве именно Лермонтова. Прекрасно сказано: "Лермонтов унёс с собой тайну русского сердца, оставив нам лишь намёк на разгадку". Вот и будем вечно разгадывать тайну русской души и русского сердца.

Странничество вообще присуще русской литературе. "Очарованный странник" Николая Лескова, странствующий Пушкин, странствующий Грибоедов. Куда русской душе без странствий и во времени, и по миру? Пусть и гонят её частенько, но окончательно изгнать никак не могут. Это как в тех же лермонтовских "Тучках":
*Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.*

(окончание на стр.3)

Михаил Юрьевич Лермонтов. Памятник поэту в Тарханах (работа Олега Комова)

Зацепил на Первом канале свежий американский мини-сериал "Фарго" и вот уже которую ночь не могу оторваться.

Поражает внимательное отношение к маленькому, точнее "массовому", человеку. Такого человека вечно кто-нибудь где-нибудь третирует: в школе, в семье или на улице. Человек накапливает на глубине сознания, в подвальчике, страшную энергию противодействия, но не умеет её выплеснуть или утилизировать. И вот тогда появляется дьявол. Точнее, чёртик. В исполнении Билли Боба Торнтона.

Чёртик закомплексованного массового человека раскрепощает. Помогает устранить обидчика, обучает смелости в отношении с тупой агрессивной женой. Дальше понеслось: смерть за смертью, многофигурная комбинация, закомплексованный превращается в подлого и успешного.

Схема стандартная, а не оторваться, в чём же дело? В том, что потусторонние категории — визуализированы, персонализированы. Дьявол — в мелочах, в лёгкой застарелой обиде, а в то же время — в претен-

Игорь МАНЦОВ

рожно обмолвился в присутствии некоего эмигранта-литературоведа Липовецкого, дескать, Манцов — наиболее адекватный и даже глубокий русскоязычный критик, что-то такое. Липовецкий стремительно поморщился и пулемётно выдал откровенное, возмущённое, отчаянное: "Но ведь он же... это... ну-у... нечистый!"

Шабуров, кстати, долго подбирал/вспоминал словечко. Шабурову нравится, как я пишу/анализирую, и его память поэтому исходно дразнилку Липовецкого отторгала.

"Может, — подсказываю я, хохоча, — какой-нибудь "нечистоплотный"? — "Да нет, вроде бы нечистый..." — "В смысле, "быдло"? — "Угу".

Сейчас бы я предположил: "В смысле, "ватник"? — Наконец-то. Ценою крови и смертей, ценою гражданских, идёт борьба за реабилитацию "простых", "простаков", "нечистых", "непородистых". Судьбоносное сражение не за территорию, за Смыслы!

С той стороны — барин, мразота. Неважно, какой национальности. Хохол, еврей, русский,

О нечисти подлинной и мнимой

ционом пальтишке, в тщедушной фигурке Билли Боба Торнтона.

Это сильная, это надёжная в употреблении массовая культура. Даже самый невнимательный, вроде теперешнего усталого меня, зритель видит, как осуществляется механика судеб. Как реализуется в нашей повседневности метафизика.

Всё по-человечески!

Одновременно Россия отмечает свои православные религиозные праздники. По телевизору шумно рапортуют, осуществляя в мозгу процесс короткого замыкания. В одной фразе лепят, допустим, Фаворский Свет и Яблочный или Медовый Спасы.

Фаворский преображающий Свет — это внутреннее, а яблочки и медок — этнографическое. Так, думаю, нельзя. Так, вероятно, было заведено ещё в доисторические времена, при царе Горохе, когда ориентировались на неграмотного крестьянина-хлебопашца, крестьянина-садовода и пасечника. Теперь же у нас вполне себе сообразительное городское общество с телевизорами. И по этим телевизорам — "Фарго", где метафизику, повторюсь, дают на человеческом языке.

У нас же по-прежнему — "медок", "милок". Не работает. Но все — и попы, и телевидение, и власти, и охочие до духовности россияне — делают вид, что победили большевистскую заразу гипердуховности. Лицемерят.

Где, спрашиваю, Царство Божие, а где медок, квасок и наливные яблочки? В разных, мягко говоря, измерениях. Никто современного городского человека не уважает.

Одновременно осуществляются грандиозные тектонические сдвиги в политике. На Украине.

Вот, что интересно. В Севастополе у меня почему-то куча родственников. Родная тётка с двоюродными сёстрами. Двоюродный брат, военный хирург, немножко по другой линии. Там доживал и похоронен дед по отцу.

А Донбасс?! В Константиновке долгое время жил этот самый дед с бабушкой и своими тремя детьми, включая моего отца, да и сейчас, вероятно, кто-нибудь, да остался. Под бомбёжками.

В Красноармейске жила родная тётка по матери со всеми своими потомками, да и теперь, конечно, кто-нибудь из моих да страдает.

Я живо реагирую на украинские события. В том смысле, что легко отзываясь на брезгливо-презрительный термин грамотных "ватник!" Эти самые события — исключительно важны. Я ждал их практически четверть века. Не крови я ждал, не крови, хотя четверть века знал, что без крови, и крови большой, не обойдётся.

Ждал, когда постсоветские "грамотные" окончательно оборзуют и перейдут к неприкрытым уже оскорблениям.

Ждал не потому, что мазохист, а потому, что неприкрытые оскорбления такого типа должны были просигнализировать об их панических настроениях, о том, что приближается время их от символической власти отстранять.

"Ватник" — в сущности "быдло".

Художник Шабуров рассказал мне, что однажды неосто-

Геннадий РУССКИХ

ИДЁТ ГЛОБАЛЬНАЯ ВОЙНА

*Я слышу жуткие шаги.
И сапоги, как конский топ,
Взрывают насыпи дорог —
Друзья идут или враги?*

*Как брату брат ты отзовись,
На дом и близких*

оглянись!

Нажать курок

не торопись —

Пусть будет жизнь,

пусть будет жизнь...

*Сквозь слёзы возница смеялся
И плакал словами мольбы!*

*Курганы овечьи волей
И горькой судьбиной времён...*

*Здесь радость степного раздолья,
И грусть с четырёх здесь сторон!..*

Идёт глобальная война...

*Страх —
Терзает души липкий страх.
Мрак —
В полях, морях, горах, лесах.
И солнце стынёт в небесах,
И звёзды падают в слезах —
И скорбь, и плач*

стоят в глазах.

*Кто водрузил обмана стяг?!
Перемешал все краски так,
Что в душах поселился мрак
И не понять,*

где друг, где враг.

*Крик —
Как стон на спекшихся устах.
Миг —
Он нам отмерян в небесах.
И воля — как воды глоток
В пустыне,*

*где иссяк исток,
И взор с мольбою на восток.*

*Идёт глобальная война.
И где-то спряталась весна
И скорбь, и боль*

*не знают сна,
И нервы реутся, как струна.*

*Стой!
Постой, солдат, остановись!
Я свой!*

Владимир КАЗМИН
***
*Курганы овечьи славою
Цветёт и ликует земля,
Но снова, в последний и правый...
Как будто иначе нельзя.*

*Горит, догорая, лучина,
И хлопают ставнями ветр,
И душу сжимает кручина,
Потух электрический свет...*

*Тоска. И доносятся звуки
С околицы, тайна судьбы,
И вновь опускаются руки,
Устал я от этой борьбы!*

*Скрипит по дороге повозка,
Извозчик, прищурясь, вперёд
Всё смотрит, выжим папироской
И счастья грядущего ждёт.*

*И едет уставшим, упрямо,
К победе великих времён,
Дорогою длинною прямо,
Не зная, что всё это сон.*

*Он плюнет с досады, в бутылку
Залянет с тоски и споёт,
Уйдёт в добровольную ссылку
И слёзы хмельные прольёт.*

*"Как хочется вырваться, братцы,
Из вечного круга борьбы!..."*

Любовь ГАЛИЦКАЯ

***

*Поверх рекламы пошлой на щите
Размашисто начертано живое:
"Держись, Донбасс!"*

И слёзы по щеке.

От боли русской,

кажется, завою.

Держись, Донбасс!

О если бы могла

Боль эту

в мощь победы переплавить,

Чтобы развезлась

над тобою мгла

и засияло солнце,

мир прославил.

Пока же я молюсь:

"Держись, Донбасс!"

Ещё коварны замыслы фашистов.

За русский мир стоишь,

за всех за нас.

Пути твои и праведны

и чисты.

*Я верю, будет надпись на щите:
"С Победою, Донбасс!"*

Донбассу слава!"

*И будут слёзы счастья на щеке,
Которую скрывала балаклава.*